

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ
с Бобришного угора

К-1440706

I ЧАСТЬ
«МОЯ РОДНАЯ ЮГ-РЕКА»

К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Александр Яшин — национальное достояние России

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИЩЕНОГО УГОРА

ЧАСТЬ I

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

Александр Яшин. Дневники 1958–1968 гг.

Стихотворения.

Воспоминания современников

Часть I **«Моя родная Юг-река»**

Никольск — Вологда
2012

Составитель — *М. В. Береснева*

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА: Александр Яшин. Дневники 1958–1968 гг. Стихотворения. Воспоминания современников. Часть 1. «Моя родная Юг-река». — Никольск — Вологда, 2012. — 128 с.

В дневниках 1958-1968 гг. в полный рост встаёт неприукрашенный Александр Яшин. Образ поэта дополняют стихотворения данного периода, а также воспоминания о нём современников.

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

*Поэтом можешь ты не быть,
А гражданином быть обязан.
...А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.*

Н. А. Некрасов

Александр Яковлевич Яшин (Попов), с детства осознававший себя поэтом (Муза стала его спасением), не мог молчать о происходящем на его малой родине. И в личных дневниках гражданина своего Отечества Александра Яшина мы слышим искреннюю исповедь о себе и людях родного края. Мы, земляки, заговорили о верном сыне России лишь после его смерти (11.07.1968 г.), особенно после 1972 г., когда в парке возле педтехникума г. Никольска поставили первый памятник «Яшину от земляков» (скульптор М. В. Таратынов).

В последние годы жизни Александру Яшину особенно была нужна поддержка земляков, поскольку своей непримиримой честной позицией, нашедшей своё отражение в рассказах «Высочка», «Вологодская свадьба» и др. поэт нажил себе немало недоброжелателей, устроивших ему настоящую травлю за, якобы, «очернение советской действительности». Самым честным и смелым другом-защитником Яшина стал учитель-краевед из деревни Калинино Алексей Александрович Павлов. Он первым бросился в схватку, когда надо было защитить поэта, отстоять его правду. Недаром писатель Фёдор Абрамов назвал Алексея Александровича «неукротимым максималистом». Павлов вёл широкую переписку по всей России, пропагандируя яшинские стихи и прозу. Успел даже приехать в Москву на прощальную панихиду с поэтом. А когда учитель-краевед при поддержке и помощи Василия Ивановича Белова издал свою книгу «Моя судьба — в судьбе Отечества», то получил из Архангельска от местного краеведа Олега Степановича Головкова знаменательную её оценку: «... Перечитываю её сейчас и снова убеждаюсь: на малой родине — истоки нравственного самосознания, народной культуры, великого трудолюбия и человеческой красоты. Из русской деревни начиналась Великая Россия. И только здесь кроется ключ к её духовному возрождению и величию. Тайна сия велика. Палачи от литературы вырубают корни русской культуры, народного самосознания, духовной мощи и нравственной крепости. А накопленная веками энергия памяти отворяет в глубинных пластах истории свежие родники. И спешат они заполнить нишу бездуховности живой водой творчества. Виктор Астафьев из Овсянки, Фёдор Абрамов из Верколы, Владимир Тендряков из Макарьевской, Николай Рубцов из Емецка, Александр Яшин из Блудново...».

М. В. Береснева

ВОЛОГОДСКИЕ КОЛОКОЛА

В колокольню-березовой Вологде
отдохнув от работы слегка,
мы бродили с товарищем вольные, —
как два истинно вольных стрелка.

После памятной встречи с правительством
в шестьдесят — вроде третьем году
удивлялись мы жизни провинции,
словно ходикам на ходу.

И вошли мы в музей краеведческий
под урчанье пружинных дверей,
где был полный покой человеческий
из-за множества стольких зверей.

Мы глядели на чудные чучела,
на коллекции древних монет,
и всё то, что в столице нас мучило,
постепенно сходило на нет.

Думал я — может быть, искупаются
изверженья вулканные тем,
что полезные ископаемые
собираются кем-то затем.

Может, было не очень-то вежливо,
только нас на последнем шагу
привлекла одинокая вешалка
в пустовавшем стеклянном шкафу.

И старушка, с вязаньем стоявшая,
пояснила, как только могла:
«Здесь писателя нашего — Яшина
фронтальная шинелька была.

Сняли нынче-то. Воля господская,
а три пули шинельку — насквозь.
Свадьбу он описал вологодскую,
да начальству, видать, не пришлось».

И как будто в дерьме искупались мы,
не смотрели мы по сторонам,
и полезные ископаемые
стали вдруг отвратительны нам.

В колокольню-берёзовой Вологде,
где кольчугой ржавеет река,
шли со взглядами, в землю вогнанными,
два обманчиво-вольных стрелка.

Мы взбирались на дряхлые звонницы
и глядели, угрюмо куря,
на предмет утешения вольницы —
запыленные колокола.

Они были всё так же опасными.
Мы молчали, темны и тяжки,
и толкали неловкими пальцами
их подвязанные языки.

БОБРИШНЫЙ УГОР

Из дневников 1958—1968 гг.

1958 год

6 июня. Выехали в Шарью с Наташей, Златой, Сашей в 16.25, поезд Москва—Лена. Очень много багажа, а из Шарьи в Никольск — самолетом.

7 июня. До Блуднова довез ГАЗ-67 финотдела. Дорога была жуткой, а вылезли.

8 июня. Первую ночь все ночевали у Сани, холодина.

Прогулка на Свою реку и с Саней вечером до Глубокого. На Своей реке с Сашей катались на плоту на озере. Цветет черемуха. Стоят холода. Но днем пригрело.

9 июня. Начал снимать киноаппаратом АК-8.

В колхозе есть перемены к лучшему. Народ с хлебом — район помогает. Получили лесораму. Строят свинарник. Построили курятник в поле к Пермасу, возле гумна. Лисицы уже таскают кур — прямо днем. Жалеют, что новый председатель Андреев Александр Владимирович осел в Блуднове, — даже сена не заготовишь для своих коров.

11 июня. С утра в колхозе бетонируют основу для лесорамы в поле к Своей реке. Пришел грузовик из Кич-Городка с горючим. Дорога страшная. Видел договор на установку радиотрансляционной сети в колхозе со своим узлом.

Весь день пробыл с детьми на реке под Шёлковым. Наловили рыбы, сварили уху. Дети уже страдают от комаров, а холода едва кончились и комаров почти нет. Ночи еще холодные.

Государство снабдило колхоз хлебом — и все довольны и работают. Мужики лишь бы набить брюхо, и он готов работать снова и нести любой крест.

Конечно, в Блуднове — не лучшие места. Теперь вижу, а не признаюсь никогда. И все тянет не куда-нибудь — в Блудново.

12 июня. В Щёлкове сегодня праздник — заговенье. С утра дождь и ночью лил, и я с детьми откасался от похода, хотя очень хотелось заснять гулянье на киноплёнку.

14 июня. Машина пошла в Никольск через Пермас. Доехал со всеми до Сосновой выгородки за полем. Из ямы брали уголь для пермасской кузницы. Поговорили с председателем. Он освоился. Вдохнул с облегчением, что закончился весенний сев. Главная помощь, которую обещал и мог оказать район колхозу, — вернуть людей. Не смогли довести дело до конца. В Пермase осталось только три мужика и женщины (в основ-

ном старухи). Мужиков восемнадцать живут дома — работают на лесопункте, а сейчас сезон сплава прошел. Из-за женщин не смогли отнять у них участки. Живут, караулят свои дома, снимают хлеб с участков. На заработки закупают велосипеды, мотоциклы, радиоприемники, мебель. Колхозом прикрываются все, и только. На руках — паспорта, трудовые книжки, часто с фальшивым стажем работы (завышенным) — помогал в свое время свой бригадир и председатель сельсовета.

На свете есть много мест лучше Блуднова, и добираться туда легче. Но меня, видно, всю жизнь будет тянуть сюда. Здесь я знаю и чувствую, что особенно важно, душу каждого человека.

Пожить бы мне в стране у Берендея...

На Руси — свои шуки, свои караси.

Мужики! Хорошее слово, зачем мы от него пытались стыдливо отказать.

15 июня. Ходили в Сочково на праздник. Вернулись 16/VI часам к 3-м дня. Вперед на лодке, обратно — на плотике.

17 июня. На грузовике колхозном в Никольск. До Козловки пешком со счетоводом Валентиной Васильевной Горчаковой и продавцом Анной Федосеевной.

Сижу на экономическом семинаре председателей колхозов, сельсоветов и специалистов сельского хозяйства. Сидим в новом Доме культуры — бывшем соборе.

Из-за поездки весь день ничего не писал.

18 июня. Утром ушел в сосняк — в поле к Пермасу, Пришли ко мне Наташа и Саша (Златочка больна насморком — лежит, читает и всему радуется). В сосняке лежал, и две вороны, заметив меня, подняли крик на всю окрестность — об этом и начал писать (еще там).

А лежу зачем? Да не знаю, просто так. Хорошо, и все. Я слился с землею, и все. Просто так с землею слился, плотно к земле припал. Просто мне тепло на земле.

Ровно в 12 поют петухи. Удивительно. Вы проверьте. Сижу еженощно, слушаю и ничего не могу понять. Проверь.

Птицы разговаривают. Есть язык — это точно.

Златка смеется, будто катится, будто светом обливается, смехом как светом светится.

20 июня. Поход к Югскому лесопункту.

Первая лесная полянка как присказка. Сказка впереди.

Запрещена охота. Хорошо чувствовать, что все же есть рачительный хозяин. Охотнику, как и поэту, нельзя доверять во всем.

В 2 ч. ночи здесь уже светло, заря и можно писать и читать без лампы. Темнеет в 10 часов вечера.

22 июня. В Блуднове праздник вместо николина дня. Пива ни у кого, шанга есть. Все как встарь — бродят по деревне с гармошками разнаряженные девушки и весьма неприсотливо одетые ребята. Только чаще, чем раньше, встречаются городские платья, даже с кожаными ремнями. Эти новые наряды на деревенских девках выглядят безвкусными по сравнению с многоцветными парочками. Все страшно любят фотографироваться; даже не спрашивают, будут ли «карточки», только бы сняться.

Вчера мучительно долго «искал стихотворение», нашел его лишь в полночь и написал часам к 2:30 ночи. В 3 часа утра без 10 м. взошло солнце, я сходил на Суборьской лог. Встрешовенные пикалицы, кулик, дрозды. Большая роса. Сегодня опять весь день не могу найти стихотворение. А ведь писал по 2, по 3. Значит, уже выдохся, можно уезжать в Москву.

Сегодня — впервые, кажется, — удивительная ясная, тихая и теплая погода. Мы с Заинькой побывали на Глубокове с удочками, ничего не поймали.

Сегодня в Блуднове николин день —
Праздничное настроение.
Сюда сошлись из всех деревень
Гости. Столпотворение.
А я должен высидеть свой трудодень —
Дать стихотворение.
Хромки да венки, цветные мехи.
Все, как и встарь, как следует.
Девушек лучшие женихи
Пленяют велосипедами.
А у девчат выраженья лица!
Бусы — цветные горошинки,
Шелком подкладочным жгут сердца.
Если б еще кокошники!
Молодки с утра каблуками дробят
Попеременно, стойчески,
Словно избе передать хотят
Избытки электричества.
Всех подряд снимаю в кино:
Радуги, а не парочки!
Мне — экзотика, а им одно:
Будут ли фотокарточки?..
Водят поэта из дома в дом,
Словно священника чествуют.
Вырвался. Сел...
Но поют под окном,
Мешают.
А может, содействуют.

23 июня. Цыплята вылупились — 8 штук. Одно яйцо Мария Александровна сочла болтуном. Но я тихонько ножом вскрыл его, и оказалось как раз против носика. Цыпленок зацеквал. Весь день сегодня следил за цыпленком в яйце, «допаривал» его на печке, под решетом, в 12:30 расковырял окончательно скорлупу, засохшую пленочку смазывал маслом и сдирал. Цыпленок зашевелился энергичнее и наконец вылез. Грань между жизнью и смертью. Сейчас сохнет на печке в овечьей шкурке.

В деревне продолжается праздник.

25 июня. Утром в Никольск на новом грузовике. Из Шарьи в 15:52 выехал в Москву, общий вагон, 75 рублей.

26 июня. В 6:40 — Москва. Поэзия — прежде всего здоровье.

У него были глаза неопределенного цвета, как у ребенка: они могут еще стать и голубыми, и карими, и зеленоватыми...

Всю жизнь ходим по цветам, а как их назвать — не знаем. Слушаем птиц, а какие они — не ведаем, пеночку от серебристого чеканчика отличить не можем.

Трава цветет.

29 июня. Нельзя жить в России и не знать деревни. Поэтому я отвез своих детей на лето в Блудново.

Хотелось бы лося, Да не удалось.

Родничок, который не пересыхает.

Ни стыда ни совести,

А с виду ничего (А с виду человек).

1 июля. Был у Твардовского в «Новом мире». Прочитал 20 стихотворений. Он отобрал из них 11. Нужна правка.

7 июля. Был у Сартакова, говорил об организации Союза писателей в Вологде. Деньги должны изыскиваться на месте. Секретарю 1700 рублей. Нужно помещение. Обещал в конце июля послать официального представителя в Вологду.

11 июля. В лесу хорошо. А на опушку выйти — лучше. Ширь. Река. Провода, опоры-мачты, дорога вдаль. И вся опушка в цветах — словно они вышли сюда взглянуть, осмотреться. А какое небо, его больше, чем земли, — и тоже не пусто. («Небо не пусто») И ветер. А что без ветра. И поля в хлебах. Ветер меняет цвета на земле.

Трудно дереву умирать. В земле корни, в глубине ее.

Устье Анданги. Что-то есть чарующее в понятиях начало и конец. Кончил дело — гуляй смело. Сухона из озера Кубенского.

Картины природы на Севере. Глухариные тока... Только бы не война!

Районный вопрос (колодец). Опять нашли какие-то камни, какую-то землю (колодец рыли), песок. И снова мечта, что живет веками — а вдруг... это что ценное. И весь район оживет. Начало: рытье колодца... Вспоминают,

где еще находили что-то. Проверили — ничего. А нефть бы найти. Алмазы! Уголь! А кругом — поля. Лен растет, голубеет. Вот же золото наше.

Вижу, как подходит поезд к Никольску.

К Никольску подходит поезд.
Выпустил пар — облака по пояс.
Дым над лесом разносится
...то в небо бросится.
Люди бегут мимо аэродрома —
Там уже все знакомо!

А поезд — чудо. Лес идет, мясо, молоко. Ожил район. Я взял билет в Москве, приезжаю с семьей. Родня, мать встречает. Ужель не дождусь? Я не мечтаю лететь на Луну. Наверно, меня не возьмут из-за здоровья. Рябчиков полетит, он доживет.

Мне бы в Никольск на поезде.

О матери. О том, что я для нее непонятный человек. О крыше, которая течет, о доме, которого мне не надо, а она все думает, что я потребую свою долю.

Златочка пишет из Блуднова: «Пьем парное молоко и сырую воду».

Раньше городничий боялся, что найдется шелкопер, бумагомаратель и в комедию его вставит. Нынешнему городничему и это не страшно. Не найдется!

Дела у нас идут из рук вон хорошо!

26 июля. Начал ходить. Лежал с 3-го июля: левосторонняя пневмония, пневмосклероз, астматический бронхит, приступ стенокардии.

Завтра еду в Вологду. Если удастся быстро — отремонтирую машину и — к детям в Блудново. Привезу их домой.

В «Новом мире» сдали в набор уже только 9 стихотворений. Было 11, было 13, было 12, я все подбрасывал новые, и Твардовский снимал «скользкие» из ранее принятых. Сняты сегодня: «Спасибо тебе, Блудново», «Всполошились над лесом вороны», «И я обманывал»; раньше сняты (из принятых): «Все удивительно в тебе опять», «Все к лучшему», «О крапиве».

28 июля. Приехал в Вологду из Москвы (после болезни сердца). Уехал из Вологды с Сашей 26 мая, потом был с детьми в Никольском районе, оставил их там, лежал в Москве.

1 августа. Утро. Лечу в Никольск (вместе с Першаковым). Везу с собой кинопроектор. Показывал свои киноленты в Никольске и в Блуднове. Со мной приехали из Никольска Першаков, Чекалов, Зеянин. Увидели у матери жирного поросенка, и, кажется, вид его уже обозлил начальников (колхозные свиньи тощие). Вечером показывал свою «хронику»: «Блудново — Никольск». Аппараты были установлены в конторе колхоза, и многие, особенно липовские, не смогли ничего увидеть. Обиделись

люди! А у меня перегорела лампа и предохранитель. Переволновался!

2 августа. С детьми ходили на Свою реку и за реку. Снимал сенокос. Пускали «электроход» на реке, купались. Женщины косят, мужчины — бригадиры. «Вот и в Блуднове на реке Юг появились пароходы!»

3 августа. Собирался завтра в Городцы на рыбалку, но дети просятся в Москву — уступил им. Выехали в Никольск, за нами пришла машина. Завтра самолетом в Шарью. Сегодня совещание председателей колхозов по силосу.

14 августа. Приехал из Москвы в Вологду и почти сразу выехал на рыбалку и охоту. Река Пучкас. Охота началась 15 августа.

16 августа. Вернулись в Вологду.

Все равно всех книг не прочитать,
Все равно везде не побывать.
И всего на свете не увидеть,
И за всем, что люблю, не угнаться,
От чего-то надо отказаться...
Всего вина не выпить,
Жажду не умерить.

18 августа. В областной музей отдал свою сталинградскую фронттовую шинель.

19 августа. Завтра собираемся с Тихоновым Ерофеем Алексеевичем на охоту на его новом катере. Но сегодня с утра льет дождь. Удастся ли?

20 августа. Выехали вниз по реке Вологде на Лежу. Вечером, уже в темноте, за поселком Вёкса (первый поворот) за Комаровым мысом (на пути к Темному мысу), лодка наша перевернулась на глубине на большой скорости. Все выплыли при полном молчании. По счастью, недалеко случился костер рыбака (Сиротина Акиндина Федоровича), и это нас спасло. Иначе бы замерзли — холод, а у нас ни одной нитки сухой, даже волосы мокрые и спички мокрые. (...) Утром рыбак уехал, оставив нам топор и кошку.

22 августа. Начало рассказа. Каждая поездка на охоту или на рыбную ловлю — это путешествие. И необязательно маленькое. А путешествия, как известно, не обходятся без приключений. Попробую описать одну охоту. И если из этого получится рассказ, то я заявляю, что уже могу написать тысячу охотничьих рассказов.

24 августа. Поехали в Вологду, но завести мотор не смогли. По пути нас взяла на буксир лодка с мотором. Четверо рабочих парней катались, испытывали мотор. Довезли нас до дому.

Берега реки Вологды на большом протяжении с обеих сторон в зарослях ивняка.

26 сентября. Когда и с чего началось, пожалуй, теперь и не вспомнить (не припомнить) Скажу лишь одно: нелегко мне и голодно в детстве жилось. Не сытно в деревне. Был одинок, нелюдим, затравлен. Никем никогда не любим. Смотрел из угла. И, может быть, поэтому «являться муза стала мне». Спасеньем была.

27 сентября.

Сколь ни старайся казаться хорошим,
Сколь ни скрывай, все равно от себя не уйти.
Не скрывай от себя и других.
Все равно с безысходною ношей
Ты останешься наедине.
Тяжелой, если с трудною ношей
Ты останешься наедине.
Ни себя, ни других не обманешь,
Все равно не обманешь себя.

Для каждого настает время, когда после беззаботных лет, легкомыслия вдруг прозревает человек. Себя увидит ярко-ярко. Любимых не берет. Ночь идет со своим фонарем (луной).

28 сентября. Я много убивал, бывали и промахи и неудачи. Но вспоминаю и горжусь не тем, а днем, когда я в первый раз пощадил птицу, не выстрелил.

17 октября. Юг-река. Глубокое. Иду купаться. Берег в ромашке, в бревнах, оставшихся от сплава, в тине, опилках, щепках, трава обволакивает все. Лезу в реку, иду — по колено, перешел реку — все по колено. Пересохла, что ли? А каково-то в половодье.

Меня, быть может, поблагодарят за то, что я не написал обо всем, что вижу. А дочка просит: «Пиши сказки, папа!»

Темный день, осенний. Даже электролампочка кажется солнышком. Дерево в окне то появится, то исчезнет.

5 ноября. Все те же рифмы: «Земля — Кремля»... Слова примелькались, присохли, а вернулся из деревни, глянул и не нарадуюсь: это же сказка. И «Начинается Земля, как известно, от Кремля».

16 ноября. Отчим порезы посыпал землей с полосы — и все заживало. Никаких столбняков. Какая же святая у нас земля.

25 ноября. Ночь бессонная. Темы стихов для «Юг-реки».

Старый бор сгорел, все колоды сгнили. Вырос новый чистый бор. Сосна к сосне, одна к одной. Грибы растут. Сосны отражаются в Юг-реке. На этой бы гриве дворцу стоять! А ведь будет, наверно, когда-нибудь — Дом отдыха. Светлый бор, в нем всегда солнце.

Праздник в Никольске. Один раз в году (только один раз) приходят пароходы. Раз в году пристань строят. Сахар, чай, соль — на весь год. Других дорог нет.

Мать жалуется на плохую жизнь в Блуднове, а в Москве не живет.— Приезжай в Москву! — Как-нибудь уж доживу дома.

А шоферы у нас не первого, а высшего класса, это асы. Съезд к реке. С ходу — через Юг-реку.

И хорошо, что наших сарафанов никакою модой не изжить. И кошники еще носят. Малявин. Нестеров (схимницы).

Как закружит, аж завьюжит. Сарафаны что шатры.

Деревня стояла в глуши, в лесу, на отшибе. И вдруг вышла в люди — большак (шоссе) прошел через нее. Если б не большак — гусей, кур не давили бы (перья белые летят), воздух был бы чистый, цветы не пылились бы (и белье на изгородях в пыли). Грузовики гудят, спать не дают. Постояльцы спать не дают.

Итак: если бы не большак — мы бы так жизни и не увидели, в люди бы не вышли. А тут — чайная, клуб, РТС, что ни вечер — кино...

Хорошо у нас (у вас). Но если бы река еще. Без реки красота — не та. Потому-то Юг-река ни одной деревни не обошла. Извилины, излучины. Весь район осветила, исколесила, украсила, всех осчастливила — никого не обошла.

Путь до Шарьи. Только 35 минут. А как ездили! Ночевки, муки, авралы. Гробили грузовики. И вот — только 35 минут. Даже деревни своей не разглядел.

14 декабря. О Юг-реке. Течет светлая, чистая. Пройдут коровы, возмутят воду, дерево упадет, а она опять течет чистая, светлая. Ил оседает, тина прибивается к берегу. Так и с душой моей: что бы в нее ни попадало наносного — она опять чиста.

Иголочки, листики плывут, камешки поют. Когда же пароходы пойдут, плотины встанут.

1959 год

1 января. Рассказать о том, как беспокойная наша власть то укрупняла, то разукрупняла... Блудновские переселенцы выехали на Муржу и вернулись, потому что их стали сселять с хуторами... Быть может, не все оправдывает время, но это было... И я не могу о том не написать.

12 января. О пареньке в В. Устюге. Его вызвали на съезд писателей; денег дали, в президиум посадили, а он в перерыв убежал на базар и купил пугач — первую в своей жизни игрушку...

Встретил свою учительницу, Раису Ивановну Ширунову. Оба были счастливы. И меня бы так узнавали мои ученики!

На родине моей — подлости быть не может — я так верю. И воров

нет, и бандитов нет. (Хотя меня еще в юности один по дороге из В. Устюга пытался убить и ограбить.)

У стихов свое молекулярное строение (стихотворение).

Плохо, когда правду называют крамолой.

25 января. Березка наклонилась, кланяясь поезду (в мечтах), и показалось, будто это мост перекинулся через Юг-реку.

П о в е с т ь. История моей семьи. Смерть брата, сестер, самоубийство Васютки и т. д. До последнего времени шла борьба за дом, кто больше имеет на него прав. Старший сын совсем покинул деревню. Но вот умирает мать, и дом остается пустым. Его некому наследовать. Начать с того, как мой отец ушел «в приемки» к старикам и строил новый дом рядом со старым.

История одной семьи — это и история тяжелого времени поисков новой жизни (коммуны, ТОЗ, артель, укрупнение, сселение, разукрупнение, опять укрупнение). «Беспокойная власть».

Общая позиция: никогда никому новое не давалось легко.

Нет, жизнь моя не праздная,
Я человек труда.
И все же я опаздываю
Во всем, всегда.

20 февраля. Все речки сливаются в Юг-реке. А мы, что выросли на Юг-реке, мы разлетаемся (налегке) в разные стороны. И редко встречаемся.

7 марта. «Уход» Л. Толстого — подвиг. Но подвиг и возвращение. Человек, привыкший в течение многих лет искать радости на стороне, вдруг сознательно (не от бессилия, не от немощи возрастной) отказывается от этих утех и возвращается навсегда и безвозвратно к своей первой любви, к своей семье, к жене.

Это — очищение и путь к наибольшей сосредоточенности в творческом труде своем.

9 марта. Что-то слишком долго живу. Даже странно... А расчет был на 40 лет.

Из детства. Про желну и про то, как царь, победивший врагов по ее предсказанию, подсочил для нее целый бор. «Золотая птица, тебе червей коробица, а мне корысть».

Что есть чистота души. А совесть... Мне бы чистоту души сохранить. Душу чистой сохранить.

12 марта. Человек должен жить в лесу.

10 апреля. Заключил в «Известиях» соглашение на командировку в Вологодскую область, нужен очерк о хозяйственных традициях лесной

области, о смолокурнях, тележном ремесле, гончарном производстве, кружевах. С этого можно и начать разговор.

Когда я в редакции газеты выразил желание поехать в командировку в Вологодскую область, нашлись товарищи, посмотревшие на это с подозрением:

— Вы едете на родину?

— Да.

— Зачем же командировку? Неудобно как-то...

— А вы думаете Вологда — это Ялта? Я же не загорать еду.

**Зимю по снежным завалам,
Весною по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.**

Просто я эти места больше знаю... И начинаются воспоминания.

В моей рабочей комнате в Москве — серп, лопата, грабли, коса. Это не бутафория, не причуды. Это моя пуповина, зацепка за родную землю, связь с детством. Я его провел с этими орудиями труда.

20 апреля. Певчие птицы рано встают.

9 мая. К 3 съезду писателей. В свете великих задач ратовать за добрую литературу, за доверие к человеку, знать всех птиц.

12 июля. Неделю за неделей слушаем вологодское радио — последние известия — и ничего не остается ни в памяти, ни в душе. До чего загублено, выхолощено все. И казенный, сухой язык! А вчера вдруг настоящая новость: в Ленинграде отливается обелиск в честь 800-летия Вологды. Это запомнится.

Идут поезда. Ребятишки смотрят: лес везут. А я смотрю и вижу наши вологодские делянки в Дунилове, катища, молевой сплав, плоты.

Я теперь езжу на Родину только летом, и мне кажется, что Юг-река всегда светла, всегда течет, переправляться через нее можно либо в лодке, либо на плотике, либо переходить вброд. А ведь зимой с берега на берег по льду рукой подать, и на санях ездят. Река за зиму очищается, и потому я вижу ее всегда светлой.

1960 год

23 января. Хорошо, когда не спится не от хвори, не от горя, а от счастья.

3 февраля. С Сергеем Антоновым выехали в Вологду на областное совещание писателей.

4 февраля. Бродили вдвоем по музею, заходили в Софийский собор, лазили на колокольню, я ударил в колокол курантов.

Вечером пришел ко мне Александр Платонович Пшеничников. Директор Родюкинской (в Кожаеве) семилетки. Новое укрупнение. В Никольске около 9 колхозов, было 40 (?) Колхозники не могут своего председателя найти по месяцу, территория у него огромная. Ищи его — и работы нет. В Блуднове свинарник как санаторий, под шифером, а зашли — свиней кормят какой-то мешаниной в бочке из-под селедок — на 75 голов, свиньи голодные, похожи на животных и на волков, рычат. Свинарка-девочка говорит: каждое утро прощаюсь с мамой, думаю — свиньи съедят. Свиньи недоедают, прогрызают стены, прогрызли корыта, переборки. Самое страшное, когда люди теряют веру во все, не видят просвета впереди.

29 апреля. Чем бы человек ни занимался, каких бы высот ни достиг, он должен писать, если хочет жить не только для себя и оставить память о себе. Без этого труд не дает полного удовлетворения.

7 июля. В 8.20 вечера поездом Москва — Воркута выехали в Вологду. Все купе наше до Ярославля. Ребята ликуют.

8 июля. Часов в 6 утра были в Вологде. Позвонили Викулову. Он в Белозерске. Выехали из Вологды лишь в 5.15 вечера. Дорога плохая. Вместо четырех часов ехали около 6-ти (132 км). В Кириллове машина ждала, но ехать было уже поздно — переправа через Шексну до 11 часов. Ночевали на квартире первого секретаря Петрова Филиппа Егоровича. Жена Ксения Павловна — историк. Сидели до трех часов ночи.

9 июля. Белозерье. Вот где надо было родиться! В таких местах не может быть плохих людей. Здесь Россия сказочная. Швейцария — пригорки, перелески, озера...

Прогулка с Викуловым по городу, по магазинам (их много, и очередей нет. Продуктов больше, чем в Вологде, — масло, мясо, сахар...), по земляному валу (древний город, внутри была тюрьма — колония и колония для малолетних преступников). Красивейшие места России превращены в места ссылки и каторгу.

В Белозерске Сергей Орлов после войны был диспетчером на канале. Обелиск: «Канал сей сооружен в управление путями сообщения и публичными зданиями Генерал-адъютанта графа Клейнмихеля». «Белозерский Канал сооружен повелением государя императора Николая Павловича в 1846 году».

Весь Белозерск мог быть городом-музеем. Когда все разрушили — появились на развалинах — остатках стен, таблички: «Архитектурный памятник. Повреждение карается законом». То же, вероятно, будет сделано и в Кирилло-Новозерском монастыре, рядом с островом Сладким.

Часов в 6 вечера выехали на Сладкий остров на двух машинах — Макаровский с семьей, Ананьев с семьей, Викулов. Перелески, где Макаровский бьет по дороге тетеревов, глухарей, зайцев.

Сладкий остров и остров с бывшим Кирилло-Белозерским монастырем — территория колхоза «Заря». Председатель Николай Арсентьевич Николаев. Ночью уже ловили рыбу сетью — щука, лещи, окуни (здесь есть и лини и язи).

10 июля. Днем уехало все начальство (и Викулов), и мы остались одни. В этот день мы половили немного рыбы на удочки (с Сашей), а на спиннинг ничего не удалось. Проводили председателя колхоза до «Карла Либкнехта», но тоже ничего не поймали. Видели остров Красный — монастырь, каторгу. Все остальное — святые места.

12 июля. Поймали трех шук (с Сашей и Мишей). Одна щука сломала спиннинг. У бабки и дедки на полуострове пили молоко. Ходил у них в баню; черная, но чище всякой белой.

Приехали Борис Михайлович и Вера Михайловна Пидемские с сыном Олегом из Ленинграда, друзья Орлова. Будто бы приедет и Орлов — поверю.

13 июля. Утром поймали одну щуку с Борисом Михайловичем. Затем мы ездили со Златой, Сашей, Мишей и Олегом, осматривали крепость (резиновая лодка на буксире), и на обратном пути мы со Златой поймали двух шук. Вторая 4400 граммов (и в брюхе ничего). Это уже зверь. Саша с берега привез на лодке сачок, иначе бы не взять ее, долго водила.

14 июля. Заметки на воде.

Солнечные дорожки по воде ложатся — для каждого своя, где бы он ни находился.

Я только пристал к берегу и отошел от лодки, как в нее бросились кошки за рыбой. Это уже рыбацкие кошки.

Над входом в помещение монастыря лозунг: «Вперед к победе коммунизма!» Есть и другие: «Да здравствует великий Октябрь — освободитель народов».

Приехал Макаровский, и я уехал с ним в Белозерск, чтобы завтра поехать в колхоз им. Ленина.

15 июля. В колхоз им. Ленина вдвоем с Макаровским. Первая остановка в центральной усадьбе — деревня Федоровская.

Утятник. Около 5500 штук. Инкубатор на 30 000 яиц. Сдают по 15 рублей утку (кг. 2). Племенную матку покупали 38 р. (взяли 1 тыс. штук месячного возраста — оказалась половина селезней). Инкубатор (2 агрегата) стоил 70 000 рублей + перевозка, плюс установка. Дом (2) — 30 тысяч рублей. Утка белая пекинская. Пока одни расходы. Колхоз должен сдать мяса в 1960 году 970 центнеров, а 2,2 плана — 2130 центнеров.

Ребенок рахитичный — лет 2-х, кривые ноги. Ему бы давать рыбий жир и творог и все прочее, что дают утятам.

В помещении церкви на полуострове оборудована ремонтная мастерская. Очень чисто, порядок — хозяин хороший.

Обед в столовой деревни Никоновская. Здесь же бригады с производственных участков.

Деревня Костино. Покупались в оз. Азатском. Собирается гроза, на сенокосе забегали: туча на сенокосе — лучшая агитация за производительность труда.

Туча спустилась на землю как труба (вытянулась к земле) и пролилась дождем.

16 июля. Силос в открытом бурте уже пахнет солодом либо свежеспеченным хлебом.

После осмотра коровника в Ершове помогли раскидать копны сена (вчера боялись грозы) трем косцам-старикам:

Павлу Никифоровичу Звереву — 65 лет, Ольге Андреевне Зверевой — 64 года, Клавдии Никифоровне (сестра) — 61 год. Они втроем собирают в год сена 150 центнеров.

— Худо ли нам жить, сами «руководители советской власти» помогли нам, поработали с нами.

Деревня Гулино. Свинарник. В новом свинарнике на зиму дается глубокая подстилка метра 1,5 резаной соломы. Лежат вплотную — тут свиней 70, в соломе.

Начало очерка для «Известий»: я приехал в Белозерский район монастырей, озер... Кирилло-Белозерский, Фералонтовский, Горицкий, Кирилло-Новоезерский... Но о красотах позднее.

Гулинский колхозный клуб — бывший помещичий дом немца.

Деревня Горка. Молодые ребята едут на сенокос на велосипедах, грабли в руке и на руле, у одного топор в руке. У большинства на руках часы. Доярки, свинарки входят, здороваются за руки. В Тарноге — земные молчаливые поклоны.

Вот и я побывал в раю, в волшебной сказке. В Белозерском лесном краю, светлом, разнотравном, многоозерном, многоцветном.

В 14:15 выехали в Белозерск. Дождь. Идут с сенокоса мокрые. Приехали в Белозерск, дождалась Малкова, чтобы увезти и его на Сладкий остров (он дал телеграмму), — две семьи плюс Аркадий Сухарев. На острове, кроме моих и Бориса Михайловича Пидемского с женой, оказался еще Василий Белов.

17 июля. Ловим рыбу. «Колхоз» наш стал уже укрупненным. Я на спиннинг поймал щуку (забрасывал с лодки) и впервые выудил двух окуней на куски сорожки-плотвы.

Чарозеро — озеро чар. Золотое озеро.

21 июля. Ветер вчера и сегодня. Волна. Сегодня ходили на рыбалку с хозяином острова Иваном Степановичем Тороповым (жена его — Анна Петровна). На ветру, на волне, а все равно на уху оба наловили.

— Волна сейчас легкая, потому что вода теплая. А осенью в такой ветер лодку бы разбило, осенью волна здесь бывает тяжелая, — говорит Торопов. — Рыбы в озере столько, что в любом месте подходи к нему с ложкой и хлебай — уха.

Талант — это и здоровье и выносливость, без чего не может быть работоспособности.

Места, которые мне по душе, сразу как-то связываются с воспоминаниями о детстве, о Блуднове. На даче в Мичуринце мне иногда видятся родные с детства рощицы, лужки. Блудновом пахнет, детством моим, счастьем. Здесь на Новозере тоже.

22 июля. Вася Белов уехал и сын Малкова. Остались мы и Малковы и Аркадий Алексеевич Сухарев. Мне мать оборудовала кабинет в отдельном доме и сеновал для отдыха там же (в сенях), но я как одержимый только ловлю рыбу. Сегодня около нашего мостика, т. е. под носом, Миша поймал на удочку 2-х подлещиков, я одного подлещика и леща на 1 кг 450 г. Впервые такого! Тащится он легко, лежит на воде безучастный ко всему, но без сачка его не вытащить бы.

23 июля. Уехали и Малковы. Ветер, моросит изредка. У берегов пена. Остался один Сухарев, лодку ремонтирует.

Петухи поют в любую погоду. В хорошую к дождю, в плохую — к вёдру.

Списать по акту. Это одно из бедствий нашей экономической системы. Дома и все хозяйство на Сладком острове, конечно, спишут по акту. Огромные в торговле хищения возможны благодаря тому, что все исчезнувшее, разбитое (посуда), сгнившее (продукты, картофель, рыбу) разрешается списывать. Не наладится наше снабжение рыбой, пока можно списывать. Падеж скота списывают. Заморенный в пути скот идет на мясо половинным весом. Неужели и эти мои горестные заметки спишутся по акту.

Когда долго не работается, начинает казаться, что я незаконно живу на земле и виноват во всем и перед всеми, и, конечно, никакого покоя, никакого отдыха. День идет не в день, радость не в радость.

К «Слуге народа». — Это что? Рыба! Кто ты в ее глазах? Бог. Начальник. Ну и нечего бояться, режь ее, чисти, жарь и ешь.

24 июля. Поход на Андозеро: на лодке до д. Кобылино (Карла Либкнехта), далее пешком километра 3 до д. Устье (устье реки Новозерки, вытекающей из Новозера и впадающей в Андозеро). В Устье поели мо-

лока у одинокой старушки Аграфены Алексеевны, на ее лодке прошли рекой в Андозеро. Окуни в прозрачной реке среди травы и листьев кувшинок. Мы с Сашей выкупались среди озера, прыгая из лодки. Окунули и Мишу. Я приучаю их к смелости.

Вернулись усталые и счастливые. В «К. Либкнехге» смотрели ловлю рыбы неводом — вытянули много грязи, мелких окуньков. Мы взяли трех раков и сварили их дома.

Здесь тишина — пройдет один грузовик, а шуму над озером, вокруг озера на целый день хватает. Вдали кричат по утрам журавли. Когда вокруг вода, мир кажется и шире и глубже.

Цену животноводства подняли в глазах крестьян-колхозников, когда вдруг стали косить на силос рожь, овес кукурузу и т. п. Это стало поворотным моментом в отношении к животноводству в северной деревне.

В Кобылине из бывшей церкви сделан клуб под тесовой крышей. Церковь стояла высоко на горе, над озером, над окрестностями. Вдали — монастырь. Это была поэзия сельской Руси и очень большая и сердечная.

Рассказ «Баба Яга». Одинокая старуха на острове в колхозе «Заря» (Новозеро). Все от нее ушли, она вредная, ворчливая, сын погиб, сноха сбежала. Она хочет быть сама себе хозяйкой. Все осуждает. Другая одинокая старуха в д. Устье — Аграфена Алексеевна. Она видела, как умирает собака, раздавленная грузовиком; видела, как умирает человек, рыба... а вот умирает деревня. Она на острове — дома сгниют на месте. Печь в доме уже рухнула, потолок тоже, лавки стоят вдоль стен — массивные.

Описать, как постепенно пустела деревня, как разрушаются последние несколько домов (часть уже проданы, раскатаны на дрова, сгнили). Она смотрит на деревню с озера. Уже не селятся скворцы в ней, а летают дрозды. Сначала они появлялись только рано по утрам, были очень осторожны, а потом осмелели, в одном саду гнезда свили. Появилось сорочье гнездо.

Деревня «Отшибково». История каждого дома. И живет в ней одна Баба Яга. Остров Шиднем. Когда она была молода — все ее любили, всем она нравилась: разбитная, заводила, запевала... Можно бы переехать, а она не может. И сидит у чужой избы — не у своей. Половицы, балки, голуби.

26 июля. Ездил с Сашей и Мишей в «Карла Либкнехта». Взяли 40 яиц по 5.70 и 2-х кур (один петух), кажется, рублей по 10. Кура из мешка в пути вылезла и с удивлением смотрела на озеро вокруг. Петух дома долгие был очумелым. Отпустили их, бегают. Но петух Анны Петровны нашему проходу не дает.

Может стать рассказом. Достали петуха для больного мальчика. А мальчик заявил, что лучше так поправится, «лучше я буду рыбу есть», только не трогайте петуха. И петух запел свою 1001-ю песню.

27 июля Уехал и Сухарев. Починил лодку.

Я в ветер ходил по озеру один, в лагуне за Анашкиным. Письмо от Наташи — дома все в порядке, просят жить дольше.

28 июля. Днем летняя гроза с порывистым ветром. Гребни на озере. Миша уже купается ежедневно. Мы все окрепли. Но мое состояние все какое-то подавленное: видимо, низкое давление. Бесперывно пью кофе, крепкий чай, принимаю кофеин. Иначе бы спал без конца.

Вчера мы вдруг впервые и с ужасом поняли, что делаем страшное дело, отправляя Сашу и Мишу на лодке через озеро вдвоем (за молоком). Они постоянно ссорятся в лодке, меняются местами, — обоим хочется грести — и очень легко могут оказаться за бортом. Саша, может быть, еще и удержится на воде, а Миша плавать не умеет. Поняли это, и холодно на сердце стало. Я представил себе, что мы возвращаемся в Москву без сына.

29 и 30 июля. 28/VII я пописал (прозу, заготовки), а эти два дня опять не мог справиться с собой, только рыбку ловил. Ежедневно по несколько килограммов.

Вот рассказ: «Когда мы уедем?» Сначала — рыба на леску, на блесну, сеть. Затем грибы, ягоды, походы. Затем испортилась погода. Сроки отъезда все откладываем, волнуемся за домашних. А из дома вдруг пришла телеграмма: «Дома все хорошо. Живите дольше, не возвращайтесь». В конце — отец начинает писать. Нельзя уезжать.

Самые спелые ягоды те, что упали на землю. Самые талантливые гибнут.

31 июля. Но я ничего не пишу. Хотя есть что писать. Просто лень. И не знаю, как справиться с этим состоянием, как опять вернуть чувство азарта, страсть к творческой работе. Сейчас творчество для меня все равно что принудительный труд.

2 августа (ильин день). Опять целый день удил, хотя собирался писать. Злата наконец психанула: «Не могу больше чистить рыбу, не могу больше, не могу больше! Все пальцы исколола».

А мне после ее нервного припадка захотелось бросить удочки и писать.

З а п и с н ы е к н и ж к и . Писателя. Художника. Учителя. Продавца магазина. Милиционера и т. д.

3 августа. Ветер резкий, холодный, мелкий дождь. На озере большие волны и летит водяная пыль. Осенью запахло. Я с 7 ч. утра сижу в своем «кабинете», в соседнем домике, где жил раньше хозяйственник,

некто Макаровский (читал его записную книжку). Дописал рассказ о петухе, начатый еще 28/VII.

В первый раз здесь хорошо поработал — 7 страничек от руки — и как раз уезжать надо. Думаю, что справлюсь с собой и буду писать ежедневно, как на службу ходить. Часы установлю определенные для работы. Думаю, что сумею. Надо суметь — пора, жизнь кончается. Надо хоть что-то сделать.

Искупались я и сыны в ветер, в холод. Разделись в доме и выбежали на озеро в простынях.

Рыба, которая срывается с крючка, всегда крупная.

Вечером на остров приехали председатель колхоза Николаев и 2-й секретарь РК Иванов.

4 августа. Утром гости рыбы не наловили.

В Вологодской области снова сделан упор на увеличение поголовья скота. Обязательство по мясу 2,2 плана остается в силе, но телочек, закупленных у колхозников, сдавать на мясо уже запрещено. Сейчас на 100 га угодий в среднем приходится 7,4 коровы, а надо 14–15 коров. «Как с кормами?» — «Плохо. Кормов не хватает. План выполнен сейчас процентов на 60. Но поголовье увеличивать будем. Это — колесо, заколдованный круг».

А лето нынешнее было исключительным для сенокоса. И все равно — 60% плана. Мы видим, как косят люди, как заготавливает сено Минков на Сладком острове. Не спешат. Им важно только обеспечить свою корову. Для этого выгоднее собирать сено позднее, когда будут давать не 10% для личных коров, а половину стогов. Опять — заколдованный круг.

Наши рассвобожденные производительные силы никак не хотят развиваться без постановлений, без всевозможных подстегиваний. А в деревне и подстегивания не помогают. Сельское хозяйство все время лихорадит.

— Видно, пришла пора совсем изжить крестьянство, ликвидировать его как класс, — говорит председатель колхоза. — Пусть уж будет только рабочий класс и на селе как в промышленности.

6 августа. Сегодня должны уехать, и, как назло, опять сказочная погода. На восходе над озером вдруг появились горы — это туман поднимался. Сейчас — солнце, тишь, сияние сверху донизу.

Чем хуже погода, тем (больше) лучше улов.

У каждого человека свой характер. Родится он веселым и будет веселым всю жизнь.

Миша говорит в Белозерске о Доме колхозника:

— Дом колхозника? Я не думал, что колхозники бывают такие богатые — сколько комнат, сколько лестниц.

Остановились в Доме крестьянина в той же комнате.

7 августа. Ездили в Кирилло-Белозерский и Ферапонтовский монастыри. С нами была жена Макаровского. Машину вел я, шофер Коля в Вологде. Водила нас по Кирилло-Белозерскому монастырю и ездила с нами в Ферапонтовский Антонина Павловна Доронина. Звонят в женском монастыре: «К нам, к нам, сиротам». Звонят в Кирилло-Белозерском монастыре: «Будем, будем — не забудем».

Вернулись в 12 часов ночи очень усталые и несытые.

Портреты председателей колхозов. Первый — Сарап, революционная эпоха бури и натиска, романтика. Это и будет история семьи, история Блуднова, своя. Укрупнения, сселения. Хорошо бы вести рассказ от имени какого-то нейтрального лица, который не всегда уверен в правильности пути.

«Поджигатели». Для своих коров колхозникам косить не дают, а накосили — забирают, увозят. Не могут увезти — сжигают (специальные группы поджигателей).

9 августа. Череповец. Перед Череповцом лесные пожары — на большом пространстве, участками.

19 августа. В 5 часов утра прибыли в Москву. Я продолжаю писать ежедневно по одной-три и больше странички.

25 августа. Властвовать надо только над самим собой. «Человек, владеющий своими страстями, для меня идеал». (Фауст.)

Не распускать свои страсти, не подчинять себя собственным желаниям, владеть собою, ибо здесь-то и начинается человек.

Уступчивость в отношении с близкими тебе людьми, внимание к ним, забота о них. Непримиримость недопустима. Сдержанность, осторожность, деликатность, мягкость, выдержка, снисхождение к чужим слабостям, твердость к своим — все это от человека, человеческое.

Воля! Без нее нельзя жить.

Если уж бросил курить и пить, то надо сделать следующий шаг — установить строжайший рабочий регламент на каждый день.

А. ЯШИН. СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.
Нехоженными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.
Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.
И, уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.
Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1953

С каждым часом ощутимей Север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой попережку с сеном,
И все больше узнается мест.
Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.
Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».
Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.
Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.
Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним всё —

Нежным и просторным,
Добрым словом Вологда зову.
Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

1958

* * *

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».
Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.
Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.
За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.
На ветру многоцветные шали.
То косынка, то сарафан
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.
Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой

В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.
Немало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;
Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток, и зайцев бьют;
Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.
Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.
Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом

На север из года в год.
И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.
Там, среди лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;
К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.
Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.
Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.
Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.
Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму,
Делается победа,
Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

* * *

Прости меня, мама,
прости, что пусто в твоей избе,
а я это вовремя не заметил.
Прости, что я не заметил, что ноги твои отекли,
что пальцы на руках скрючило от работы.
Прости меня, поле, за неурожай, за пустоши.
Прости меня, моя родная земля,
я рожден здесь для того, чтобы видеть
и обо всем рассказать другим,
а я долго на всё закрывал глаза.
Пока ты жива, мама, есть у меня дом родной
и Вологодчина для меня — родина.

1958

Всё к лучшему...
 В колхоз доставлен хлеб.
 И выдан денежный аванс по книжкам.
 Стрекочет в праздник кинопередвижка,
 Опять поднялся спрос на ширпотреб.
 Пришли бульдозеры в разгар весны
 На торфоразработку —
 Может статья,
 И наши земли за год возродятся:
 На Севере они истощены.
 То в Липове, то в Пермасе шанга —
 Так здесь зовут картофельную брагу.
 Шанга не пиво,
 Но сбивает с шагу
 И так же заливает берега.
 А я опять готов писать стихи.
 Вот только жаль —
 Здоровья меньше стало:
 Не пью шангу, как пиво пил, бывало,
 Да ночью спать мешают петухи.

1958

НОВОЗЕРО

Вот и я побывал в раю —
 Оказалось легко и просто:
 В Белозерском лесном краю
 Обнаружился Сладкий остров.
 Так случилось, что ныне он,
 Как заброшенный заповедник,
 Не распахан, не заселен
 И зверьем покинут последним.

Плоский, будто грибной пирог,
С невысокими берегами,
Заберись — и живи, как бог,
Не водись с земными богами.
Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на земле война?
Где, какое оно — лихолетье?
Только крыльев утиных свист,
Только звон зари глухариной,
Небо ясное, воздух чист,
Пахнет рыбою да малиной.
Пусть местами вода мелка,
Но как небо ясное глянет —
Отразятся в ней облака:
Глубже моря озеро станет.

1960

ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Михаилу Дудину

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо недозрело,
Так сказать, уцелело.
Но курица не горевала
И парить больше не стала,
Судьба одного цыпленка
Ее не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгробала.

Что же это девятое
Яйцо —
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.
Вот ведь какое дело!
Еще не цыпленок — тело
Цыплячье,
В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышало и жить хотело.
Я стал —
Сначала несмело —
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки,
Как плод живой от последа.
А будет ли победа?
Ох, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке.
Секунды решали дело.
Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыпленка,
Я положил его в тряпку,

Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На теплую печку.
И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил! —
Спасибо, Боже! —
Забился, закопошился,
Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыпленок;
Ах ты, мой соколенок!
Орленок ты мой!
Миленок!
Родимый ты мой, рождённый,
Я — крёстный твой нареченный.
Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошел в сторону,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как Бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизнь!
Без преувеличения.

1966

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты,
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.
Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:
Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство.
Птичье царство, и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички..
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!
Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки не знакомы.
Как слепые, плутаем,
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.
А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями то же:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.
То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.
Лишь царям по рождению,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...
И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.
Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.
Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

* * *

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд, —

Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.
Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего —
Всё ежегодно повторяется.
И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?
Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам? —
Всё извечное...
Но я готов с утра до вчерашня
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

* * *

Всполошились над лесом вороны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.
Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.
Невпопад, как из сказочной пущи,

На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.
Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлежся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.
Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.
А вороны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу
Я от карканья не умру.

1958

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.
Никаких заседаний,
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает и садится.
Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз, не моргая,
Наблюдают за мною.
Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Все, что думаю, — знают,
Все, что делаю, — видят.
Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволине.
Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.
И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.
Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят —
Ну и пусть:
Я же дома!

1958–1967

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ

Юрий Леднев

«Александр Яшин. Когда я произношу это имя, я всегда поражаюсь тому, как два слова так удачно, так ёмко соединились, охватив весь русский алфавит от А до Я. Наверное, тут не обошлось без Провидения. Иначе откуда бы взять пареньку из лесного села столь яркую творческую биографию? Яркую не по блистанию, яркую по богатырскому преодолению всевозможных препон. И ещё — по удивительному знанию — чутью всего того, что касалось азбуки народной жизни. Два эти достоинства, помноженные на восторг души, сделали для писателя его труд правдивым и честным».

Ольга Фокина

«Стихи Александра Яшина мне были знакомы со школьной парты по сборникам из серой послевоенной бумаги. Когда вспоминают земляки о Яшине как своём учителе и помощнике в издании сборников молодых поэтов — это правда. После окончания Литинститута имени Горького и мне не раз приходилось выступать со стихами перед различными аудиториями вместе с Яшиным.

С тех пор навечно запомнила его добрые, лучистые глаза. А какой поддержкой были для меня в ту пору слова, сказанные им после одного из выступлений: “Не подвела, землячка!”»

Владимир Солоухин

«Пройдут еще многие годы. Но можно ручаться: поэзия Яшина не потускнеет. Ее лучшие драгоценные крупички не унесет течением времени. Ее заинтересованность, ее правда, ее любовь и боль будут близки людям и тогда, потому что в своем творчестве Александр Яшин пришел к той большой правде, к той большой любви и к той большой боли, без которых человек не может быть человеком».

«Стихи были уже тогда мастерские, с инструментовкой на «о», с озорным и метким использованием окающего вологодского говора. Не просто в чтении, а в самом тексте стихов. Помню, что тогда по первому впечатлению это казалось нам, ровесникам Яшина, чуть ли не самым примечательным в его стихах и лишь потом стало понятно, что инструментовка стихов лишь самое первое, самое очевидное, бросающееся в глаза выражение привязанности к родным местам, душевной неотделимости от них.

Но чем дальше, тем все ясней становилось, что эта неотделимость имеет куда более глубокий, коренной характер, что эта неотделимость составляет содержание стихов, что это не их внешность, а сама их строчечная суть».

Василий Оботуров

«Живая душа художника и гражданина Александра Яшина пульсирует в каждой его строке, волнует и тревожит. Поучителен опыт прозы писателя в исследовании глубинных социальных сдвигов и формирующихся новых общественных типов. Неоценимо значение его лирики для утверждения гражданской ответственности поэта и каждого человека перед обществом. На памяти многих и многих — пример личного мужества и святой непримиримости Яшина к приспособленчеству, общественной пассивности, любого рода нечестности».

Фёдор Абрамов

«Существует мнение, что русский национальный характер по своим качествам является характером полярным, характером противоположностей. Так вот Яшин — ярчайшее подтверждение. И надо ли говорить, что именно особенности яшинского характера во многом предопределили исповедальный характер его зрелого творчества, его совестьливость и самосуд, не знающий никакой пощады к себе?»

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Евтушенко. ВОЛОГОДСКИЕ КОЛОКОЛА	5
М. Береснева. ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА ...	7
А. Яшин. БОБРИШНЫЙ УГОР. Из дневников 1958—1968 гг.	9
А. Яшин. СТИХОТВОРЕНИЯ	27
ТОЛЬКО НА РОДИНЕ	27
МОСКВА — ВОЛОГДА	28
Я ДАВНО НА РОДИНЕ НЕ БЫЛ...»	29
ЗЕМНОЙ ПОКЛОН	30
«ТЯНЕТ В ПРОСТОР ПОЛЕЙ...»	31
«ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА...»	32
«ВСЁ К ЛУЧШЕМУ...»	33
НОВОЗЕРО	33
ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ	34
ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»	37
«ВЕСНА — КУДА НИ КИНЕШЬ ВЗГЛЯД...»	38
«ВСПОЛОШИЛИСЬ НАД ЛЕСОМ ВОРОНЫ...»	39
«ТИШИНА НАД РЕКОЮ...»	40
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ	42

